

ИСКУССТВО

L'ART
die Kunst

5-6

1 9 2 9

Л Е Г Е Н Д А О Ч Е Х О В Е

К ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

1

Когда в 1781 году скончался Лессинг, его враги сочинили легенду, что душу его унес дьявол.

XIX столетие уже не верило в дьяволов, уносящих души грешников. Легенда об Антоне Павловиче Чехове несколько иного порядка. Его враги, вольные и невольные, видоизменили легенду. Они об'явили Чехова безнадежным пессимистом, отравленным каким-то дьявольским ядом, не дающим возможности найти в жизни ничего светлого и радостного. Чайка, лишенная свободы полета, вырубленный вишневый сад, тоска трех сестер по далекой и красивой жизни—все это комментировалось на тысячу ладов, как символы безнадежной тоски, свойственной упадочной эпохе, в которую жил и творил Чехов. Современники Чехова, к глубокому сожалению, проглядели ту творческую эволюцию, которую проделал этот изумительный мастер художественного слова. Быть может, им просто не хватало известной исторической перспективы для того, чтобы заметить и правильно оценить творческие пути Чехова; быть может, они подходили к произведениям писателя с неверным критерием. В нашу задачу вовсе не входит отыскивать те об'ективные и суб'ективные причины, которые мешали современной Чехову критике разглядеть подлинную сущность его творчества и четко выявить социальные корни этого творчества. Наша цель — опровергнуть легенду об однотонном, упадочном и реакционном пессимизме Чехова.

Сам Чехов в течение десятилетий своей творческой деятельности чувствовал себя писателем одиноким, почти не понятым ни широкой читательской публикой, ни критиками. С какой беспомощной раздражительностью говорит он о своих критиках: „Критики похожи на слепней, которые мешают лошади пахать землю. Лошадь работает, все мускулы натянуты, как струны на контрабасе, а тут на круп садится слепень и щекочет и жужжит... Я двадцать пять лет читаю критику на мои рассказы, и ни одного ценного указания не помню, ни одного доброго совета не слышу“...

В самом деле, ни первые робкие шаги Чехова на страницах юмористических листков, ни дальнейшая его более серьезная литературная деятельность, не были поддержаны русской критикой. В начале творческой деятельности Чехова его упрекали за безпринципность, за отсутствие „направления“—об этом писал и Михайловский — а затем Чехова обвиняли в ретроградстве, в дружбе с „нововременцами“ и, в частности, с таким реакционером, как Суворин.

Сам Чехов мало разбирался в теориях различных политических партий. В известном письме к Плещееву, написанном уже ближе ко второму периоду творчества, в 1888 году, Чехов писал: „Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденцию и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не монах, не индифферентист. Хотел

бы быть свободным художником и — только... Мое святое святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником“.

Но не будем забегать вперед и рассмотрим по порядку, какие социально-общественные причины и факторы влияли на личность и творчество Антона Павловича Чехова.

Недавно опубликованная биография Чехова, написанная В. М. Фриче, дает прекрасный анализ эволюции мировоззрения Чехова, крепко связанной с той исторической обстановкой, в которой жил и творил этот писатель.

Проследим бегло за главнейшими этапами жизни Чехова — и картина развития его творчества легко раскроется перед нами. Чехов принадлежит к числу тех писателей, которые в полной мере претворяли в своих произведениях добытое жизненным опытом.

2

Антон Павлович Чехов родился в 1860 году в провинциальной мещанской семье. Его дед (со стороны отца) еще был крепостным. Отец прошел тяжелый жизненный путь, и от „мальчика“ в услужении у купца дошел до приказчика у одного из таганрогских купцов. Года за три до рождения Антона Павловича его отец, повидимому, совсем „выбился в люди“: он открыл в Таганроге свою бакалейную торговлю. Семья, состоявшая из отца, матери и шести детей, жила в большой нужде. Детям давали религиозное воспитание — с церковным пением, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. Однако, по собственному признанию Чехова, он вырос неверующим: „Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет“.

Строгая купеческая семья, при-
нуждавшая Антона Павловича, как и
других детей, к повиновению, нало-

жила свой отпечаток на Чехова. Он часто говорил впоследствии, что в детстве у него не было детства. Отец его решил дать детям хорошее образование и определил их в гимназию. Учился Антон Павлович плохо, пробыл в гимназии десять лет, и в 1879 году окончил таганрогскую

гимназию и поступил в московский университет. Семья его к тому времени жила в Москве, так как торговля отца прогорела, и ему пришлось поступить на службу в лабаз за грошевое жалование в 40 рублей в месяц.

Семья все время страдала от безденежья; у родителей только и было разговору, что о деньгах. Среди торгашеского духа семьи рос здоровым, подвижным и веселым мальчиком Антон Павлович. Ко времени окончания

гимназии он очень заинтересовался литературой, и уже на первом курсе начал писать. Но главное внимание его было обращено на заботы о насущном хлебе и помощи семье. Он был так забит добыванием

денег, что это отвлекало его от всех других мыслей и чувств. В литературном труде он видел источник для заработка. Его первые юмористические очерки были помещены в „Стрекозе“, популярном тогда журнале. Затем редакция „Стрекозы“ сурово одернула молодого автора. В почтовом ящике журнала за 1880 год читаем: „Не расцвев, увядаете. Очень жаль. Нельзя писать без критического отношения к своему делу“. Чехов переходит в другие юмористические журнальчики того времени: в „Будильник“, „Зритель“, „Осколки“ и проч. Около восьми лет писал Чехов под разнообразнейшими псевдонимами в юмористических журналах. Он получал грошевые гонорары, и то с трудом: „Бывало я хаживал в „Будильник“ за трехрублевой раз по десяти“... Все его письма того времени говорят об одном: о неизбывной нужде, о необходимости „печь рассказы“ для пропитания семьи. И параллельно с этим Чехов напряженно изучал медицину, ходил по больницам и клиникам. „Путь пишущего“—шутливо поучал Чехов—„от начала до конца усыпан тернием, гвоздями и крапивой, и потому здоровомыслящий человек всячески должен отстранять себя от писательства“.

Мало по малу Чехов выбился из юмористических листков в московские газеты. В одной из них—„Новости дня“ он напечатал, с большими редакционными искажениями и изменениями, свой первый и последний роман „Драма на охоте“. Ему было все равно, где печататься.

То было время глубокой политической реакции. Восьмидесятые годы знаменуются исключительным влиянием Победоносцева на государственную жизнь. Это был мрачный реакционер, установивший тяжелый правительственный режим, не допускавший ни малейшего проблеска общест-венности. Русская интеллигенция разочаровалась в „хождении в народ“, и в рядах ее царило разложение. Последнее было страшнее правитель-

ственной реакции. С. А. Венгеров так характеризует интеллигентские настроения восьмидесятых годов: „В восьмидесятых годах не только средний обыватель спрятался в подворотню, но и произошла печальная перемена в настроении самых высоких духом слоев русской интеллигенции. Крушение надежд путем активного воздействия достигнуть осуществления демократических идеалов ведет за собой не только уныние, но и разложение прежней демократической программы. Порыв к самопожертвованию, жажда правды, тоска по идеалу начинают исчезать в самой чуткой части русского общества,—учащейся молодежи. Она теперь не только в значительной части своей охладевает к идеям высшего порядка, но почти демонстративно превращается в буйных буршей, которые в дни университетского праздника производят уличные скандалы, врываются в рестораны и публичные дома, нарушают порядок на театральных представлениях“.

Эта характеристика умонастроений молодежи восьмидесятых годов более или менее верна. Чехов не проявлял в юношестве никакого интереса к политике и общественным течениям. В гимназии он держался в стороне от „политиканов“, собиравшихся в кружки и читавших записанные сочинения Герцена и Бакунина. По свидетельству гимназических товарищей Чехова, он относился к этим кружкам индифферентно. Точно также не участвовал он и в освободительном движении студенчества во время пятилетнего пребывания в московском университете. Мещанские настроения его семьи наложили на него тяжелый отпечаток. Он верил в молодости в единую движущую силу—в деньги, и он хотел разбогатеть во что бы то ни стало. Разменивая свое дарование на различные газетные и журнальные мелочишки, Чехов не оставлял себе времени ни для работы над собой, ни для служения обществу. В. Фри-

че в биографии Чехова, уже упомянутой нами, отмечает тот важный фактор в развитии творчества Чехова, мимо которого нельзя пройти. Это—процесс необычайно быстрого роста творческих сил. „Внук крепостного крестьянина, сын малокультурного мещанина, взрожденный примитивно патриархальной средой, он—как и его братья—чрезвычайно быстро поднялся из этого первобытного социального мира в мир интеллигенции,

3

Университет окончен, и Чехов—молодой врач. Он практикует в провинции, и, вместе с тем, пишет; пишет, как прежде, за грошевый гонорар. Он зарабатывал в „Осколках“ не больше 65 рублей в месяц, и ему приходилось писать чуть ли не по рассказу в день. В 1885 году он ощущает на себе удары реакции: цензура повела поход на „Осколки“. Чехов пишет в письме к Лейкину, издателю „Осколков“: „Погром на „Осколки“ подействовал на меня, как удар обухом... С одной стороны, трудов своих жалко, с другой, как-то душно, жутко... Конечно, вы правы: лучше сократить и жевать молчалу, чем с риском для журнала хлестать плетью по обуху. Придется подождать, потерпеть... Но думаю, что придется сокращаться бесконечно. Что дозволено сегодня, из-за того придется с'ездить в комитет завтра, и близко время, когда даже чин „купец“ станет недозволенным фруктом. Да, непрочный кусок хлеба дает литература, и умно вы сделали, что родились раньше меня, когда легче и дышалось и писалось“...

В такое-то мрачное, безрадостное время расцвел чеховский талант. В 1885 году мы уже видим Чехова двадцатипятилетним юношей с признаками благоприобретенного туберкулеза,—человека непомерно работающего и эксплуатируемого различными издателями. Он уже чувствует себя замученным, заезженным. И

и этот быстрый, неподготовленный приемственностью, переход из одной социальной группы в другую, весьма отличную, с осложненной мозговой деятельностью, отразился известным образом на его психике и далее на его творчестве, дав, вместе с условиями эпохи, когда он жил и творил, и с положением и судьбой той социальной группы, к которой отныне он принадлежал, того писателя Чехова, каким его знает мир“.

вместе с тем судьба как бы благоприятствовала ему. Писатели старшего поколения, Григорович и Короленко, обратили внимание на первые шаги Чехова, а Григорович повлиял на издателя „Нового Времени“, Суворина, и последний пригласил Чехова в сотрудники газеты. Это показалось ему большим счастьем. Его нисколько не покорила реакция той клики, которая работала в суворинской газете. Шутя, Чехов так описал свою встречу с вершителем судеб „Нового Времени“, Сувориным:

„Он очень любезно меня принял и даже подал руку.

— „Старайтесь, молодой ч-к!—сказал он. Я вами доволен, но только почаще в церковь ходите и не пейте водки. Дыхните!

— „Я дыхнул. Суворин, не услышав запаха, повернулся и крикнул: „Мальчика“! Явился мальчик, которому было приказано подать чаю в прикуску и без блюдечка. За сим г. Суворин дал мне денег и сказал:

— Надо беречь деньги... Подтяните брюки“...

Чехов несколько лет дружил с Сувориным, усердно работая в „Новом Времени“. Он продолжал быть все тем же „аполитичным“ бытописателем, что и прежде. От мелких юморесок он перешел к более крупным и художественным произведениям. В январе 1886 года Суворин выпустил „Пестрые рассказы“ Антоши

Чехонте. Здесь еще были собраны ранние юмористические очерки Чехова, охарактеризованные им самим, как „беспорядочный сброд студенческих работишек, ощищенных цензурой и редакторами юмористических изданий“. Книжка эта была отмечена газетной критикой снисходительно-доброжелательно, к ней отнеслись, как к „вагонной литературе“. Некоторым диссонансом звучал суровый приговор А. Скабичевского. Мاستитый критик писал, что Чехов „при первом же своем появлении на литературном поприще сразу записался в цех газетных клоунов... Вообще, книга г. Чехова, как ни весело ее читать, представляет собой весьма печальное и трагическое зрелище самоубийства молодого таланта, который изводит себя медленной смертью газетного царства“. Как известно, этот жестокий отзыв Скабичевского произвел глубокое впечатление на молодого Чехова. И, действительно, под покровом веселости уже проглядывала та чеховская грусть, которая послужила базой для создания о нем легенды, как о мрачном и безысходном пессимисте.

Как в верном и ясном зеркале, отражаются в произведениях Чехова восьмидесятника основные настроения мещанской интеллигенции этой эпохи. Герои Чехова, созданные в восьмидесятые годы,—это знакомые нам из русской литературы „лишние люди“. Они, его герои, лишенные всякого героизма в подлинном смысле этого слова, томятся в серых буднях, мучаются от собственного ничтожества, прозябают в провинциальном болоте. Но они растеряны и не знают, как найти выход из той сумрачной жизни, в которой они прозябают. Мог быть один исход—революция, но в революцию и в возможность ее прихода Чехов не верил. „Революции в России никогда не будет“—писал он Плещееву. Он был неисчерпаем в изображении разочарованных в жизни и не понимающих ее, запутавшихся меж трех сосен, интеллигентов.

По мере развития его творчества исчезает веселая и довольная улыбка. Ужас и уныние заволакивают сердце писателя. Для него нет ничего страшнее, чем тупая и равнодушная пошлость мещанина, обывателя.

Интересен и характерен подход Чехова к этим людям. Не ищите в его произведениях этого периода обличительных нот сатирика. Даже простой смех юмориста смолкает, и с удивительной добротой и мягкостью относится Чехов к своим персонажам. Эта доброта и мягкость—первый признак того, что Чехов не пессимист и не человеконенавистник, каким хотели его изобразить. Мелкие газетные писаки, не понимая стиля Чехова, в достаточной степени оригинального для его времени, обрушивались на него. На другой день после премьеры „Иванова“ в 1887 году в театре Корша злобный критик в „Русском Курьере“ писал, между прочим: „Какое грубое незнание психологии, какое беспардоннейшее лгание на человеческую природу“.

Конечно, этот газетный критик жестоко ошибался. Чехов был тонким психологом, обладавшим большим художественным чутьем и необыкновенным лиризмом. Оригинальность его формы, столь раздражавшая не только мелких и некультурных критиков, но и многих читателей, едва ли не одним из первых оценил Лев Толстой. Он написал: „У Чехова своя особенная форма, как у импрессионистов. Смотришь, человек будто без всякого разбора мажет красками, какие попадают ему под руку и никакого, как будто, отношения эти мазки между собой не имеют. Но отойдешь, посмотришь, и в общем получается удивительное впечатление. Перед вами яркая неотразимая картина“.

Да, мы получаем в произведениях Чехова восьмидесятых годов неотразимую картину современной ему царской России. Как писатель-импрессионист, Чехов рисовал резкими, как бы оторванными мазками. С одной стороны крепко связанный со

Господин Мексинг! Так как вы создали "Маяко
на Андриана" и, очевидно, желаете воздать всем
долею авторского гонимого, то перед тем, как вы
ка воздадите гонимому, сделайте ~~некоторые~~
предложения гонимому:

1) Неблагословенно возмущено общество французских в России
общества драматического искусства, а для этого нужны арти-
сты или к театру или к театру, или к театру и
секретари общества, Москва 2-го Провода. Наму Максим
милу Кондратьеву, Канцелярия Им. Императора, присла-
нул к тебе 25 руб. и афишу, а также список всех
добрых писателей; и сообщая тебе, что ты не только
носишь фамилию отца своего, но ты еще А. Ступин.
Артист должен знать, негодимый.

2) И погаражи в театр сходят богами не только
после, а во театре еще богами, а театры не
искусства не собираются, ни какими не приобщаются.

3) Один человек не свои все причины имеет,
даже и мои предпринимать приходится.

4) После (вспомогательный) судья в Мокшале Русском. Над
каким-то человеком у В. Мисонько.

Морд классический после, что (как) и было.
Другой, доктор медицины (А. Сет) 9/17
XII

Среди принадлежавших покойному режиссеру и артисту Евгению Багратионовичу Вахтангову рукописей находится и приводимое выше, впервые публикуемое здесь письмо Антона Павловича Чехова брату его — Александру Павловичу, писателю А. Седому. Письмо это подарено было Вахтангову сыном адресата, бывшим артистом и директором МХТ'а 2-го Михаилом Александровичем Чеховым. Вахтангов вставил его под стекло и повесил в своем кабинете.

своей эпохой, с другой—он возвышался в своем творчестве над обстановкой своего времени, что давало повод некоторым критикам называть его „певцом мировой скорби“ и даже сравнивать с Байроном, несмотря на все различие их дарований—как это сделал, например, С. Н. Булгаков. („Чехов, как мыслитель“, 1905 г.).

И, действительно, Чехов как бы не осознавал, что те причины, которые делают его героев „лишними людьми“—причины временные и зависят от особенностей данной исторической обстановки. Ему казалось, что интеллигенция всегда была такой бездеятельной, пошлой и прозябающей. „Начало Руси было в 862 году, а начало культурной Руси, я так понимаю, еще не было. Та же дикость, то же сплошное хамство, то же ничтожество, что и пятьсот лет назад“.

Так говорит один из персонажей рассказа „Моя жизнь“, доктор Благово.

„Все эти ужасы были, есть и будут, и от того, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше“...

„Во всем городе ни одного честного человека“...

„... Называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят „ты“, с мужиками обращаются, как с животными, учатся плохо, серьезного ничего не читают, ровно ничего не делают, а о науках только говорят, в искусстве понимают мало“...

Вот несколько цитат из Чехова, сурово обличающих сумерки русской интеллигенции. Каковы же положительные идеалы Чехова-восьмидесятника? Фриче правильно указывает, что единственным положительным идеалом Чехова в эти годы было „толстовство“. В рассказах этой эпо-

хи ясно проглядывают отголоски учения Толстого о необходимости отказа от служения цивилизации, об уходе в личное моральное усовершенствование. Сам Чехов в одном письме к Суворину признается, что шесть-семь лет владела им и сильно трогала его толстовская философия.

К концу восьмидесятих годов Чехов был уже в достаточной мере известен. Его рассказы пользовались успехом у читателей, хотя критика попрежнему сурово относилась к нему. Постановка „Иванова“ вызвала целый град упреков и брани. „Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шиканья и никогда в другое время им не приходилось слышать столько споров, какие видели и слышали они на моей пьесе“.

В общем, писательская суэта угнетала Чехова, все время заставляла его сомневаться в себе и в своей работе. Он часто оправдывается в своем политическом индифферентизме, но с другой стороны он сознает, что „литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель, он человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью“... И в другом месте он пишет: „Бывают минуты, когда я положительно падаю духом. Для кого и для чего я пишу?.. Нужен я этой публике или не нужен, понять я не могу... Одно убеждение, что восьмидесятые годы не дали ни одного писателя, может послужить материалом для пяти томов“...

И вот, с приходом девяностых годов, когда несколько разряжается атмосфера общественной жизни, происходит знаменательный сдвиг в творчестве Антона Павловича Чехова.

4

На рубеже девяностых годов постепенно меняется социальное положение той общественной группы, к которой принадлежал Чехов. Уже

в пьесе „Иванов“ отметилась борьба между отцами и детьми, которая началась к концу восьмидесятих годов и развернулась в начале девяностых.

Усиливавшийся процесс роста капитализма призвал к деятельности ту интеллигенцию, которая не находила себе прежде места в жизни. Возрождение народничества также ознаменовало начало девяностых годов. Голод 1891 года обнаружил преступную деятельность царских бюрократов и грозил передовым кругам общества ужасами вымирания голодного и некультурного крестьянства. Это бедствие, по верному слову современника, разбудило дремавших и подбодрило упавших духом. Возобновилось „хождение в народ“, оживились подпольные социалистические кружки. Началось десятилетие, подготовившее первую русскую революцию 1905 года, и тут в Чехове происходит крупный поворот. Он отрешается от аполитичности, постепенно порывает с реакционным лагерем и становится деятельным сотрудником либеральных органов.

Прежде всего интересно отметить, что в голодные годы Чехов сам принимает участие в борьбе с этим стихийным бедствием, он погружается в хлопоты и заботы о голодающей деревне. В девяностых годах исполняется заветная мечта Чехова—он приобретает небольшую усадьбу и хочет зажить помещиком. Увлечение деревней длилось недолго. Сперва он радостно называл себя „лордом“, потом он устал от возни с землей, от бесконечного количества гостей, с'езжавшихся к нему, и наконец, в 1899 году ликвидировал свое поместье.

Уже с самого начала этого периода Чехов проявляет себя отзывчивым общественником. Он бросился на борьбу с холерой также самоотверженно, как и на борьбу с голодом. Его недолгая близость к крестьянству дала ему целый ряд тем, в которых он явился по преимуществу бытописателем крестьянского обнищания. Политические тенденции Чехова здесь вполне ясны: он не разделял теории народников, но, вместе с тем, подобно им, он отрицательно

относился к сильному росту капитализма. Во многих его произведениях Чехова занимает тема о смене дворянского уклада буржуазно-капиталистическим. Но уже не в пессимистических тонах рисует Чехов гибель земледельческой России. Его новые герои *действенно* рвут с новым укладом и выбирают себе путь в жизнь, далекий от капиталистического грабежа. Они не верят, подобно дряблой интеллигенции восьмидесятых годов в то, что жизнь всегда будет такой бесцельной и мрачной. Для наших детей все будет ясно—„им будет виднее, чем нам“.

Хищническая стадия развития капитализма необычайно ярко отразилась в таком рассказе, как „В овраге“. Здесь уже подчеркнуты дезорганизованность и противообщественность капитализма. И это обвинение суровому строю, создаваемому буржуазией, звучит все чаще в произведениях Чехова.

„Тут недоразумение, конечно“, думает доктор, герой рассказа „Случай из практики“—„тысячи полторы-две фабричных работает без отдыха, в нездоровой обстановке, делая плохой ситец, живут впроголодь и только изредка в кабаке отрезвляются от этого кошмара; сотня людей надзирают за работой, и вся жизнь этой сотни уходит на записывание штрафов, на брань, несправедливости, а только двое-трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презирают плохой ситец“.

Мы не можем, к сожалению, проследить здесь шаг за шагом все этапы развития творчества Чехова в девяностые годы. Достаточно будет отметить, что он обратил свое внимание на те слои общества, которые до сих пор оставались вне поля его зрения. Он все чаще изображает крестьян и пролетариев, (далеко не всегда правильно), он все строже относится к тому самодержавно-бюрократическому режиму, который угнетал Россию. Уже вна-

чала девятидесятых годов Чехов отказался от главной базы дворянской интеллигенции—от толстовского примиренчества, и он всячески развенчивал его. Бюрократизм, гнусность, заносчивость, пошлость отживающего класса уже не кажутся Чехову постоянным явлением; он понимает, что землевладельческая аристократия страдает упадочничеством, вызванным историческими причинами.

Попытки Чехова изобразить в своих произведениях крестьян сразу наткнулись на большие затруднения; Чехов знал крестьянскую жизнь поверхностно, но изображал ее без всякой идеализации: „Бывали такие часы и дни, когда казалось, что люди эти живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга“. („Мужики“).

Повесть „Мужики“ встретила весьма разноречивую оценку в русской критике. Нововременец Меншиков приветствовал эту повесть, и, как это ни странно, его поддерживал и Струве из марксистского лагеря. С другой стороны, Н. К. Михайловский нападал на Чехова, упрекая его во вредных тенденциях, большой поверхностности и в том вреде, который якобы приносит эта повесть русскому обществу.

Фабричный пролетариат также не нашел в себе места в творчестве Чехова.

Чехов не относился сочувственно и к рабочему движению. Он представлял себе идеалом рабочего—мирного мещанина-обывателя. Рабочий революционер казался ему отрицательным типом. В известном письме Чехова к Горькому по поводу пьесы „Мещане“ Чехов советовал Горькому умерить революционный пыл его героя, рабочего Нила:

„Пусть он весел, пусть шалит хоть все четыре акта, пусть много ест после работы, этого уже довольно, чтобы он овладел публикой“.

Чехов, повторяем, относился недоброжелательно и с опаской к революционному движению, но, вместе с тем, он не был ретроградом в девятисотые годы. Он стоял в это время, приблизительно, на либерально-буржуазной платформе. Все чаще в письмах нападает он на бюрократизм царских чиновников и охотно сравнивает полицейский „прижим“ России с кажущейся ему свободной Европой. Поездки за границу сыграли в этом отношении благотворную роль.

В девятисотых годах, в самый канун русской революции, Чехов уже проявляет кипучую общественную деятельность. В письмах той поры мы находим следы его большой практической работы. Он заботится о постройке образцовых школ в Мелихове, об организации библиотек и музеев. Он мечтает об открытии народных театров и санатории для алкоголиков.

Чехов-наблюдатель, грустный и пассивный, уступает место Чехову активному деятелю-общественнику. Он отправляется в университет хлопотать за уволенных студентов, участников студенческих беспорядков. Хлопоты его успехом не увенчались, и в одном из его писем мы находим следующие слова: „Приемная ректора и его кабинет и швейцар напомнили мне сыскное отделение“. В 1902 году Чехов отказывается от звания академика после того, как из Академии наук был удален Горький за политическую неблагонадежность. Из всех академиков только два решились на этот шаг и покинули ее стены: В. Г. Короленко и А. П. Чехов.

И однако, русская критика прозвала все эти сдвиги Чехова. Она продолжала обвинять писателя в реакционных тенденциях, она писала о его пессимизме, она продолжала поддерживать легенду, созданную ею.

Передовые критики, во главе с Михайловским, обвиняли Чехова в антидемократических тенденциях только потому, что он не стал определенно на сторону близившейся революции. Но Чехов был типичным

представителем своего класса. Как выразитель либеральных идей мещанской интеллигенции, он жаждал свободы печати и совести, но, вместе с тем, относился боязливо и отрицательно к социальной революции.

Уделяя значительное внимание театру в последние годы своей жизни, он уже незадолго до первой русской революции написал свою пьесу „Три сестры“. Тут, на тусклом фоне угасающей дворянской интеллигенции, звучат многообещающие слова Тузенбаха:

„Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку“...

Чехов не дожил до этой освежающей грозы. Он умер на пороге революции. Печальная легенда о „бытописателе сумерек“, „поэте безвременья“ шла по его пятам при жизни—и долго жила после его смерти.

Время — лучший показатель. То, что мы, пережившие две революции, чувствуем близость Чехова к нам, доказывает, что в его творчестве не только тоска по бездействию, но и бодрые, зовущие к труду и свободе тона. Те, кто видят в Чехове только хмурого нытика, те близоруки и односторонни. Он в такой же мере певец „лишних людей“, как обличитель самодержавно-бюрократического строя, как и участник и выразитель широкого общественного движения девяностых и девятисотых годов.

АЛ. ДЕЙЧ

*